

А. В. Бондаренко¹, С. П. Грушин²

¹ Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

² Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656099, Россия

E-mail: sturabondarenko@gmail.com; gsp142@mail.ru

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ I)

Публикация посвящена результатам формализованного анализа погребальных комплексов с нарушенной анатомической целостностью костяка, выявленных на могильнике Телеутский Взвоз I (Алтайский край, елунинская культура, XXI–XIX вв. до н. э.). Предпринята попытка построения типологии нарушенных погребений. Выделены три эмпирических типа. К первому типу отнесены могилы, в которых в поле проникновения остается не потревоженной значительная часть скелета, а иногда и индивид целиком, остальные кости перемещены или отсутствуют. Ко второму типу относятся погребения, где в манипуляции вовлекается весь или почти весь скелет, кости разбросаны хаотично по всему заполнению, часть из них отсутствует. Третий тип характеризуется тем, что большая часть скелета изымается из ямы, в заполнении остаются единичные кости или их фрагменты. Выделены характерные черты практики проникновения в могилу: целенаправленное разрушение верхней части останков, манипуляции с головой или черепом, отсутствие признаков особого отношения к отдельным частям посткраниального скелета, за исключением изъятия костей и нескольких случаев их преднамеренного повреждения. Отдельное внимание уделено проблемам различия на практике нарушенных и вторичных захоронений.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, ранняя бронза, елунинская культура, погребальный обряд, нарушенные погребения, постингумационные обряды.

Могильник Телеутский Взвоз I расположен в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края. Площадь мыса использовалась как некрополь с начала эпохи бронзы по Средневековье. Ранние комплексы датируются по калиброванной шкале – XXI–XIX вв. до н. э. [Кирюшин и др., 2003. С. 120]. Памятник открыт в 1956 г. А. П. Уманским и изучался на протяжении ряда лет А. А. Казаковым, А. А. Тишкиным, В. В. Горбуновым, С. П. Грушиным. Материалы 36 грунтовых погребений ранней бронзы памятника были опубликованы в монографии [Там же]. Еще десять погребений (могилы № 37–46) были исследованы позже – в 2002 и 2010 гг. Могильник Телеутский Взвоз I, наряду с поселением Березовая Лука, на данный момент является опорным памятником в изучении елунинской культуры эпохи бронзы Верхне-

го Приобья и самым большим по числу исследованных погребений.

Погребальная практика носителей елунинской традиции имеет следующие характерные черты: наличие грунтовых погребений с деревянными внутримогильными конструкциями, располагающимися одиночно или рядами от двух до семи в каждом (рис. 1); положение умершего скорченно на левом боку, реже – на спине с согнутыми в коленях и повернутыми влево ногами; использование в погребальном обряде мяса животных, охры, огня; парциальные, вторичные погребения и подзахоронения. Описывая особенности погребальной практики, авторы раскопок уделяли большое внимание могилам, в которых останки умерших находились не в анатомическом порядке. Основной акцент делался на проблему выделения диагностирующих признаков «вторичных»

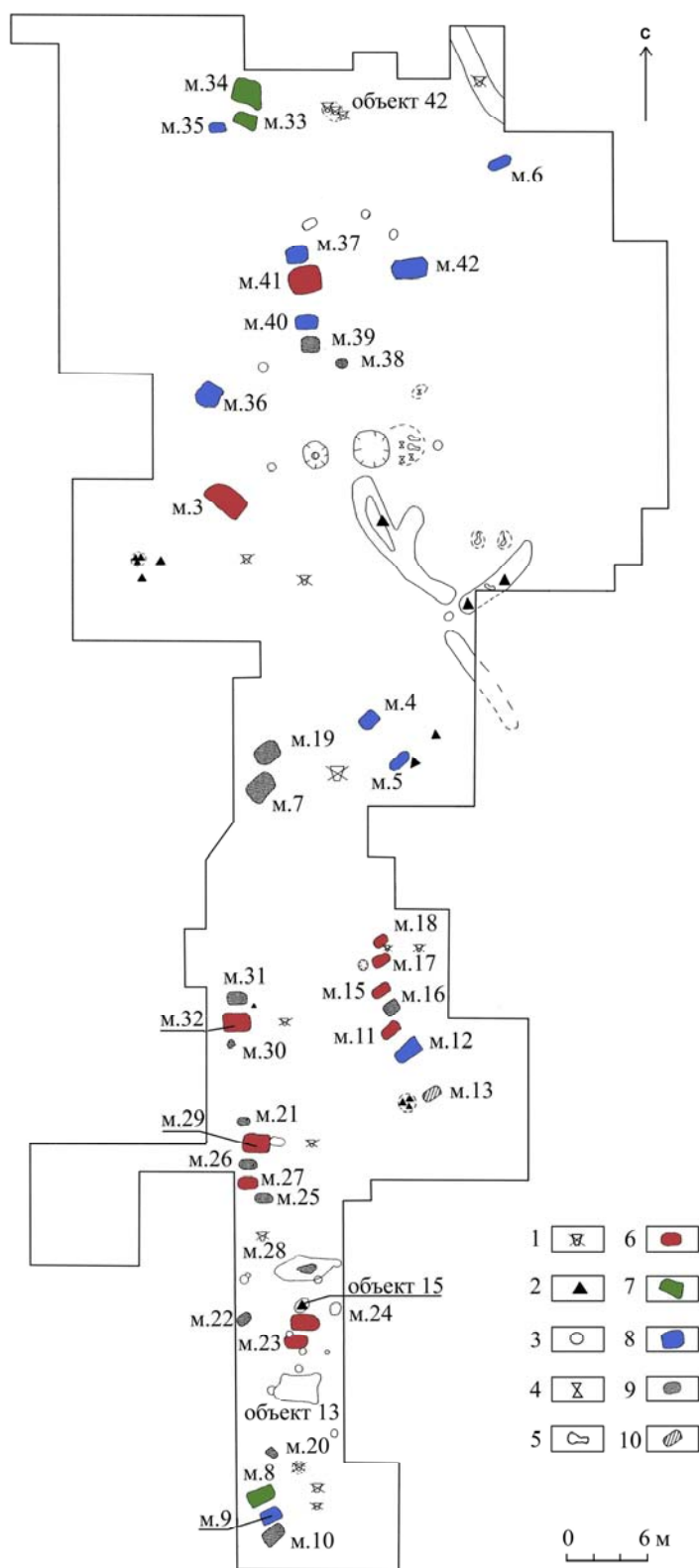

Рис. 1. План погребально-ритуального комплекса раннего бронзового века в основном раскопе памятника Телеутский Взвоз I: 1 – развал сосуда за пределами могильных ям; 2 – фрагменты елунинской керамики; 3 – ямы с зерном; 4 – нижняя челюсть животного; 5 – череп животного; 6 – нарушенные погребения первого типа, в которых осталась непо потревоженной значительная часть скелета; 7 – нарушенные погребения второго типа, в которых потревожена большая часть скелета; 8 – нарушенные погребения третьего типа, в которых оставлены единичные кости; 9 – закрытые комплексы; 10 – полностью разрушенное погребение

погребений. Исследователи отметили, что «факты ограбления или осквернения определяются, во-первых, наличием костей человека в заполнении могильной ямы и, во-вторых, сочетанием зафиксированных *in situ* костей человека, отражающих каноны погребального обряда, с отсутствием или с беспорядочным положением других частей скелета» [Кирюшин и др., 2003. С. 70].

Целью данной работы стало всестороннее изучение и выявление археологических свидетельств практики проникновения в могилу. Основные задачи – анализ захоронений, которые были разрушены в древности, и поиск признаков, которые бы свидетельствовали о том, что это проникновение могло носить ритуальный характер.

Для обозначения погребений со следами вскрытия был использован термин «нарушенные». Нарушенным называется погребальный комплекс, в котором фиксируются следы древнего постингумационного проникновения: изменение стратиграфии заполнения, анатомически правильного положения костей и первоначального положения инвентаря в могиле. Нарушение стратиграфии определяется несколькими признаками: изменение контура могилы и наличие пятен в зачистке; разрушение стенок погребальной камеры; визуальная фиксация шурфа в разрезе погребения; разноуровневое положение костей и инвентаря в заполнении. Нарушение стратиграфии разного рода животными чаще всего фиксируется в виде остатков нор и ходов, заполненных отличающимся по цвету и структуре грунтом. Однако здесь могут быть спорные случаи.

Большую сложность в исследовании погребений с нарушенной анатомической целостностью костяка может вызвать различие захоронений останков с разложившимися мягкими тканями («вторичные») и могил, в которые было совершено проникновение. Необходимо отметить, что в раскопках, к сожалению, не принимал участие антрополог, поэтому нам сложно выделить вторичные погребения с выкладыванием скелета в анатомическом порядке. Кроме того, кости не исследовались на предмет следов снятия с них мягких тканей. С этой точки зрения все построения имеют в известной степени гипотетический характер.

В работе использованы данные о 41 погребении. Могила 13 полностью разрушена, поэтому не включена в выборку. Могилы 1,

2 и 14 не входят в основной раскоп, но несут несомненные елунинские черты, поэтому рассматривались наряду с другими.

Первым этапом обработки материала стала формализация археологических данных – выявление свойств предмета исследования и фиксация их как признаков, качественных и количественных. Для анализа было выделено 85 признаков, которые разделены на 14 групп. Заметим, что часть параметров не является дифференцирующими, т. е. эти показатели всеобщие и присущи с разными вариациями для всех комплексов. Например, большинство погребений имеют яму, но формы этих ям отличаются – овальные, аморфные, прямоугольные с округлыми углами. К таким могут быть причислены характеристики могильной ямы (форма, стенки, дно); особенности устройства погребальной камеры (деревянная конструкция, наличие бересты, охры, следы применения огня); поза, возраст, количество захороненных; категории находок, планиграфическое расположение комплекса.

Но для могил со следами постингумационного проникновения выделяются и «локальные» черты [Генинг и др., 1990]. Необходимо отметить, что составление списка локальных признаков производилось скорее путем проб и ошибок, нежели с опорой на существующие методики. Это связано со спецификой источника и слабой разработанностью методики изучения нарушенных в древности погребений. Постепенно перечень расширялся, менялось наполнение каждого конкретного признака. Были зафиксированы параметры шурфа: как он, если был виден, выглядел в зачистке по материковому суглинку; занимал ли все пространство ямы или часть, фиксировался ли в разрезе или только реконструируется по сохранности определенных частей скелета; задел ли шурф стенки и дно могилы. Также описаны особенности положений костей скелета: сложены они скоплением или разбросаны по всему дну ямы, имелись ли непотревоженные части скелета и сочленения сдвинутых костей, проводились ли манипуляции с черепом. Отдельно наблюдалась вовлеченность в предполагаемый обряд нарушений разных категорий инвентаря.

Следует отметить, что некоторые признаки имеют субъективную оценку. Это относится, например, к фиксации шурфа в плане погребения. Для определения данного

показателя необходима качественная фотография могильного пятна с его аккуратной зачисткой или свидетельство отчета о раскопках. Многое зависит от хорошего освещения и естественной увлажненности почвы. Очень часто шурф и первоначальное заполнение могильной ямы мало отличаются друг от друга по цвету. Тогда характеристика контура шурфа выводится скорее логически, на основе данных стратиграфии и даже по местонахождению перемещенных костей, нежели напрямую. В большинстве случаев охарактеризовать пятно не удалось.

Следы древнего постингумационного проникновения имеют 26 из 41 (63 %) погребений. Так, 4 могилы из 26 демонстрируют изменение контура ямы и наличие пятна в зачистке по матерiku. В 6 могилах шурфом разрушены стенки погребальной камеры. В заполнении 15 могил из 26 зафиксировано разноуровневое залегание костей и инвентаря. В отсутствии этих признаков, на проникновение прямо указывает наличие непо потревоженных частей скелета в сочетании со смещенными. Мы реконструируем ситуацию, исходя из законов скелетирования трупа. Например, сложно представить себе условия, в которых распались бы связки всего тела, кроме правой руки до локтя, как в могиле 6, чтобы можно было похоронить руку и несколько ребер. И гораздо легче вообразить ситуацию, когда из могилы были извлечены практически все кости, и только одна рука по какой-то причине не вовлечена в процесс изъятия.

Можно предположить, что в могиле 28 нарушение костяка произошло в ходе жизнедеятельности грызуна. У погребенного отсутствуют череп, правая плечевая, левые локтевая и лучевая кости; лопатка лежит на месте черепа; нижняя челюсть найдена в верхней части заполнения могильной ямы. При этом нарушения локальны, а напротив того места, где должен был находиться череп, зафиксирована нора диаметром 15–20 см. Кроме действий животного, вероятен факт вторичного погребения либо проникновение (челюсть в заполнении, но других признаков нет). Судя по всему, единого мнения по этому вопросу быть не может. Нами этот комплекс причислен к закрытым, как и могила 30, которая первоначально была отнесена к разрушенным [Киришин и др., 2003. С. 70]. Действительно, в могиле 30 сохранились только лежащие в сочленении кости

нижних конечностей и сосуд у стоп. Во-первых, нужно иметь в виду, что останки располагались неглубоко и могли быть потревожены в ходе освоения площади могильника. Во-вторых, могилы 31, 32 и 30 образуют ряд, в котором центральное захоронение 32 – коллективное, нарушенное, с мощной деревянной конструкцией и довольно богатым для памятника инвентарем: бронзовые шило и пластина, деревянный семигранный в сечении орнаментированный шест. Разнонаправленное положение погребенных и возможная символическая нагрузка инвентаря могут быть основой для самых разных мировоззренческих построений. В могилах 30 и 31 захоронения были совершены в погребенной почве. Они расположены довольно близко к центральному, ориентация скелетов полностью совпадает с двумя костяками из погребения 32. Все это позволяет нам предположить, что такие могилы могли быть сооружены в ходе единого обряда, и провести параллели между крайними могилами, утверждая, что могила 30 не должна была быть подвергнута нарушению, как и могила 31.

Большую роль в разделении нарушенных и вторичных комплексов играет тщательный анализ всех особенностей положения костей. Рассмотрим сложные случаи.

Пятно могилы 11 в зачистке по материковому суглинку выглядит неоднородным, имеет темный контур и более светлый участок в центральной части. Яма имеет глубину не более 20 см (рис. 2, 1). На дне в юго-западной части могилы в анатомическом порядке лежат берцовые кости и стопа первого погребенного. У северо-восточной стенки найдена левая лопатка и в сочленении с ней ключица и кости руки. Это указывает на то, что первоначально умерший был уложен на левый бок, ноги согнуты в коленях. Левая рука вытянута вдоль тела, а правая, судя по сохранившимся *in situ* фалангам, согнута в локте и помещена сверху на живот и левую руку. На останках первого погребенного в анатомическом порядке лежат позвоночный столб, ребра (некоторые смещены), таз и бедренные кости второго индивида. Другие кости обоих (?) скелетов разбросаны в беспорядке по дну могилы. Среди них один череп (в области живота второго умершего) и две нижние челюсти. Вероятно, сначала был захоронен один индивид, он был размещен в центре ямы.

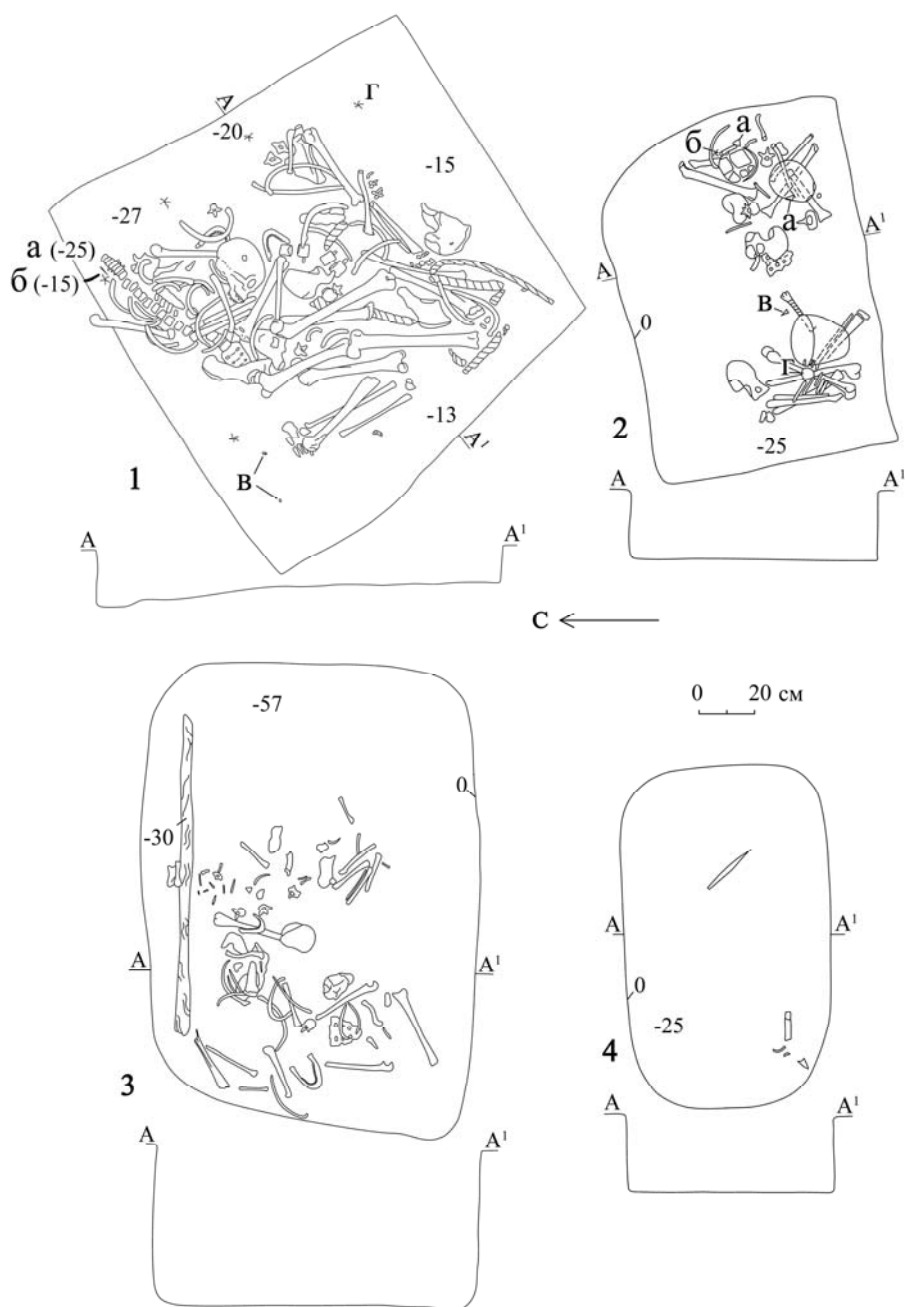

Рис. 2. Планы погребений могильника Телеутский Взвоз I с разрезами: 1 – могила 11 (а – бронзовое шило (-25); б – бронзовый нож (-15); в – кости рыбы; г – уголь); 2 – могила 15 (а – фрагменты керамики; б – уголь; в – человеческий зуб; г – яйцо); 3 – могила 33; 4 – могила 35 (по: [Кирюшин и др., 2003. С. 260. Рис. 19, 22, 45, 1])

Затем захоронение было вскрыто, находившийся в ней костяк нарушен, и на него уложены останки второго человека – на левый бок, ноги согнуты в коленях, руки тоже слегка согнуты, правая помещена на живот. Нужно отметить, что кости рук второго ске-

лета залегали в анатомическом порядке под смещенными ребрами. Это может быть признаком как вторичности верхнего погребения, так и повторного проникновения в могилу с целью его нарушения. Последний вариант кажется более логичным, нежели

преднамеренное вычленение части ребер (остальные ребра и позвонки находятся в правильном анатомическом порядке) и их размещение на костях рук, в области грудной клетки. Скорее всего, яма была вскрыта второй раз – у верхнего погребенного смещены череп, кости грудной клетки и ног ниже колен.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в могиле 41, где сначала было нарушено основное захоронение троих человек (разрушены верхние половины скелетов с изъятием черепов и большей части костей), затем в заполнение шурфа, на 20 см выше первого яруса, подложен четвертый умерший. Впоследствии и его останки были потревожены – смещены тазовые кости, ноги, руки ниже локтя. На такую последовательность событий указывают ребра и кости стопы, лежащие *in situ*, расположенные прямо над нарушенными частями первых погребенных.

В могиле 15 зафиксировано два скопления костей: на одном размещается сосуд, на другом – два черепа (рис. 2, 2). Погребение имеет несомненные признаки проникновения. Авторы раскопок считают, что изначально было совершено захоронение одного человека. По прошествии времени в могилу похоронили второго, сдвинув при этом верхнюю часть скелета первого погребенного. Один из черепов установлен на кости, принадлежащие этому же индивиду [Кирюшин и др., 2003. С. 71]. Без участия антропологов в снятии скелетов в ходе полевых работ сложно подтвердить или опровергнуть предположение о действиях с черепом. *In situ* находились ноги и часть костей таза одного из умерших, погребенный был уложен скорченно, на левый бок, судя по всему, он занимал центральную часть ямы. Рядом с ногами первого умершего лежали в сочленении берцовые кости второго и чуть дальше – перевернутая нижним эпифизом к предполагаемому месту расположения головы плечевая кость. Наличие связок между берцовыми костями указывает на короткий промежуток между двумя актами погребальной практики, если мы имеем в виду, что они были сдвинуты в ходе проникновения, или на то, что мягкие ткани не успели разложиться полностью, и тело было расчленено на достаточно крупные части, если мы говорим о вторичном захоронении. В любом случае, манипуляции

с первым погребенным проводились раньше, чем в могилу был помещен второй. На это указывает то, что на коленях первого погребенного сохранились *in situ* кости мелкого рогатого скота и скорлупа. Мы можем предположить, что при проведении каких-либо действий в непосредственной близости к ногам эти вещи были бы потревожены (нижние эпифизы берцовых костей второго погребенного, судя по рисунку, располагались прямо под названными находками). Над ногами первого и берцовыми костями второго (рядом с костями животного и скорлупой) располагался сосуд. Он мог быть перемещен в ходе проникновения, или же завалился сам в процессе археологизации. Заметим, что случаи расположения сосуда у колен зафиксированы также в погребениях 21 и 27.

Нарушению подвергались как одиночные, так и коллективные захоронения. В двух коллективных погребениях не были разрушены отдельные скелеты. Так, в могиле 3 у одного из скелетов смещены только кости таза и правой ноги, а в могиле 32 не потревожен один из трех костяков. Такие случаи могут быть результатом того, что отдельные погребенные просто не были замечены. Например, в могиле 32 *in situ* остался скелет, лежавший в ногах у двух других. Однако подобную ситуацию сложно представить в парной могиле 3, где непотревоженный индивид занимает половину ямы. Вероятно, именно это погребение может подтвердить предположение о том, что целью проникновения был определенный покойник. Другое объяснение такой ситуации было предложено В. С. Флёровым. Исследователь предполагает, что «степень разрушения каждого отдельного погребенного на конкретном могильнике во многом могла зависеть от ряда субъективных причин» [2000. С. 13], например, от внешнего вида останков. Иначе говоря, в данном случае разрушение останков одного из умерших не было сочтено необходимым.

В 18 захоронениях из 26 часть скелета осталась непотревоженной. В двух случаях это стопы. В 11 погребениях на месте сохранились длинные кости ног со стопами, в ряде случаев с тазовыми костями или их фрагментами. Лишь в могиле 36 у детского скелета потревожены только нижние конечности. Однако в этом случае ребенок мог быть задет случайно, так как он лежит

в стороне и перекрыт деревянной конструкцией. Вероятно, целью проникновения был находившийся в центре ямы взрослый индивид.

Таким образом, при проникновении особое внимание уделялось именно верхней части скелета. Это может быть связано как с «шаблонной» сосредоточенностью погребального инвентаря и украшений выше пояса (если речь идет об ограблении), так и с направленным разрушением основы жизнедеятельности: головы и груди как вместилища сердца и органов дыхания [Флёрв, 2000. С. 12]. Кроме того, точное попадание в определенную часть могилы говорит о знании «нарушителями» топографии комплекса. Об этом же свидетельствует крайне редкое разрушение стенок ямы – 6 случаев.

Смещенные кости обычно оставались в беспорядке, нами не зафиксировано каких-либо повторяющихся композиций. В 6 могилах кости располагались скоплениями. Но только в могиле 15 положение костей является компактным, а в остальных случаях – свободное залегание в определенной части ямы.

В трех погребениях зафиксированы случаи, когда потревоженные кости сохранили сочленения, во всех случаях это ребра или ребра с позвонками. Здесь нужно помнить, что скелетирование ребер, как правило, происходит в первую очередь, сразу вслед за черепом [Зайцева, 2005. С. 10]. Этот факт указывает на непосредственную близость во времени погребального и постпогребального ритуалов. Скорее всего, проникновение осуществлялось спустя крайне непродолжительное время после захоронения останков.

В 10 могилах (38 %) сохранился перемещенный череп, еще в 2 – нижние челюсти и в 2 – фрагменты черепной коробки. В могиле 2 череп был перевернут основанием вверх и смещен в область ног, в могиле 9 уложен на правую височную кость в центре ямы, в могиле 11 лежал в области поясничных позвонков погребенного, в могиле 15 установлен на вершину скопления, а в могиле 17 – на колени. Вместе с могилами 22 и 25 (захоронения отдельных черепов) эти случаи могут быть яркими примерами широко известного «культы головы» и в очередной раз убеждают в особом отношении древних обществ к голове и черепу. Интересен тот факт, что могилы 11, 15, 17 расположены в одном планиграфическом ряду

(см. рис. 1). Мы можем предполагать, что обряд соблюдался в какой-то конкретной родовой группе.

В целом же могут быть выделены несколько эмпирических типов нарушенных погребений:

1) остается непотревоженной значительная часть скелета, а иногда и индивид целиком, остальные кости перемещены или отсутствуют (рис. 2, 1–2);

2) в манипуляции вовлекается весь или почти весь скелет, кости разбросаны хаотично по всему заполнению, часть из них отсутствует (рис. 2, 3);

3) большая часть скелета изымается из ямы, в заполнении остаются единичные кости или их фрагменты (рис. 2, 4).

Следует отметить, что типы нарушенных погребений определены только по внешним признакам, механически, без выделения черт, которые могли бы свидетельствовать о вскрытии могил для проведения разнообразных ритуалов. Однако на данном этапе разработки проблемы такой вариант кажется наиболее приемлемым.

В 10 могилах после проникновения сохранился сосуд (в 3 *in situ*). Кроме того, в могилах найдены одиночные кости (7 случаев) и черепа животных (2 могилы), костяные (3 случая), бронзовый и каменный наконечники стрел, бронзовые шилья (4 погребения). Необходимо отметить, что набор сопроводительного инвентаря в нарушенных и непотревоженных погребениях практически идентичен (табл. 1). Этот факт свидетельствует, вероятнее всего, о том, что целью проникновения были манипуляции с останками, а не изъятие вещей.

Памятник Телеутский Взвоз I не является единственным примером практики нарушения погребений в древности. Подобные случаи, вероятно, были характерны для других могильников елунинской культуры: Староалейка II, Цыганкова Сопка II [Кирюшин, 1987; Грушин, 2001], Мышинный Лог и др.

В качестве более поздних хронологически, но территориально близких параллелей могут быть названы андроновские грунтовые могильники Чекановский Лог X и Рублево VIII. На могильнике Чекановский Лог X (Алтайский край, Третьяковский р-н) раскопано 60 погребений. К сожалению, процент нарушений не указан, но большинство захоронений взрослых индивидов были потревожены. Например, в могиле 7 многие

Таблица 1

Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых погребениях могильника Телеутский Взвоз I

Тип инвентаря	Вид комплексов	
	закрытые	нарушенные
Археологически целый сосуд	7	10
Фрагмент сосуда	1	4
Фрагменты керамики	1	3
Отдельные кости животных	5	9
Череп животного	2	2
Нижняя челюсть животного или ее часть	1	2
Кости рыбы	1	1
Нож, кинжал бронзовый	0	2
Украшения	2	1
Бронзовая пластина	0	2
Изделие из кости	2	4
Изделие из дерева	1	1
Астрагал, бабка	2	1
Наконечник стрелы	2	5
Шило	1	4
Круглый камень	1	1
Скопление зерна	0	2
Изделие из камня	2	1

кости были смещены, череп отсутствовал [Демин, Ситников, 2005]. Судя по сохранившим первоначальное положение костям, погребенный был уложен скорченно на левый бок, головой на запад. В районе левого уха обнаружена бронзовая привеска, обернутая золотой фольгой. Обломок еще одной привески найден в северной части могилы, в области пояса покойного со стороны спины лежали около 30 металлических бусинок очень плохой сохранности. В могиле 24 погребенный был уложен скорченно на левый бок, череп и кости плечевого пояса отсутствовали [Там же. С. 69]. В верхней части заполнения залежали цельнолитая золотая серьга с раструбом, фрагменты черепа, тазовая и большая берцовая кости другого человека. На дне ямы найдены развалы двух сосудов. В юго-западном углу могилы обнаружены ребра животного, а в северо-восточном, также в верхней части заполнения, – два черепа и конечности коровы (молодая и зрелая особи). В могиле 29 [Там же. С. 71] цельнолитая золотая серьга с раструбом (весом около 10–12 г) была отодвинута

в сторону, а кости погребенного перемещены.

«Грабители» четко выходили на контур могильной ямы. Как правило, перемещались кости верхней части скелета, кости ног и таза сдвигались редко. Авторы раскопок справедливо замечают, что отсутствие частей скелетов, сдвинутые сосуды, наличие украшений не могут быть следами обычного ограбления. Мысль об осквернении была признана необоснованной, так как этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в андроновское время была стабильной, что маркируется малочисленными находками предметов вооружения на поселениях и могильниках и отсутствием в погребениях костных останков людей с признаками насильственной смерти. Исследователи приходят к выводу о том, что имеют дело с обрядом, который «совершался родственниками или сородичами умершего с какими-либо религиозно-магическими целями» [Там же. С. 72].

В могиле 1 памятника Рублево VIII (Алтайский край, граница Михайловского

Таблица 2

Встречаемость погребального инвентаря в нарушенных комплексах
могильника Телеутский Взвоз I

Тип инвентаря	Группа	
	первая	вторая
Археологически целый сосуд	5	3
Фрагмент сосуда	2	2
Фрагменты керамики	1	2
Отдельные кости животных	5	4
Череп животного	2	0
Нижняя челюсть животного или ее часть	1	1
Кости рыбы	1	0
Нож, кинжал бронзовый	1	1
Украшения	0	1
Бронзовая пластина	2	0
Изделие из кости	2	2
Изделие из дерева	1	0
Астрагал, бабка	0	1
Наконечник стрелы	3	2
Шило	3	1
Круглый камень	0	1
Скопление зерна	1	1
Изделие из камня	1	0

и Угловского р-нов, андроновская культура), судя по расположению костей правой ноги, костей таза, а также поясничного отдела позвоночника, умерший первоначально был уложен скорченно, на правый бок, головой на запад-юго-запад. После этого могилу перекрыли деревянным настилом, фрагменты которого найдены в восточной половине ямы. Спустя некоторое время было совершено проникновение. Верхняя часть скелета была изъята, череп перемещен в область нижних конечностей. *In situ* остались отдельные части позвоночного столба, нижняя часть скелета, фрагменты кистей рук. Остальные кости были разбросаны по всей площади могилы. На момент нарушения погребения еще сохранялись мягкие ткани. Об этом свидетельствует то, что на левой височной кости черепа обнаружена серьга с растробом, при этом вторая серьга, правая, лежала на месте первоначального расположения головы умершего. Очевидно, она осталась там, когда переместили череп. Подобные действия производились, вероятно, и с погребенным из могилы 10 [Киришин и др., 2004. С. 65]. Наличие украшений

позволило авторам утверждать, что перед нами не ограбление, а следы определенного обряда.

Особое внимание исследователи уделили могиле 35. Здесь на всей площади ямы и на разных уровнях заполнения фиксировались разрозненные кости взрослого человека, вероятно мужчины, и фрагменты сосуда. Какого-либо порядка в расположении костей или их скоплений не наблюдалось [Там же. С. 78]. На основании того, что сосуд был разбит, исследователи предположили, что целью проникновения в могилу стало ее осквернение новым более поздним населением.

Скорее всего, именно такие случаи свидетельствуют о том, что в одну эпоху, на одной территории и даже в пределах одного могильника могли иметь место разные причины постингумационного проникновения. Подобная ситуация наблюдается и в отношении могильника Телеутский Взвоз I.

Могилы 3, 11, 15, 17–18, 23–24, 27, 29, 32, 41 Телеутского Взвоза I демонстрируют нарушение первого типа. В них разрушалась определенная часть погребенного, зафиксиро-

рованы случаи особого отношения к черепу, в единичных ямах на костях еще сохранялись мягкие ткани. Данные захоронения являются примером проникновения, направленного на проведение каких-либо манипуляций с конкретным умершим. Это могут быть обряды обезвреживания, освобождения души, «общения» с покойным и т. д. Ярким примером обезвреживания может быть могила 29. Здесь зафиксированы останки трех индивидов, некоторые кости сохранились *in situ*. У одного из них, кроме разрушения верхней части скелета, удалены ноги ниже колена, а нижние части бедренных костей, лежащих на месте, обломаны. Неподалеку от них найден роговой наконечник стрелы, а в другой половине ямы – бронзовый втульчатый наконечник стрелы сейминско-турбинского типа. Иначе говоря, проникновение было произведено явно не в целях ограбления.

В противоположность к перечисленным погребениям, в могиле 2 сосуд был разбит и разбросан по всему заполнению, как и в могиле 35 памятника Рублево VIII. Кроме того, стенки ямы сильно повреждены, кости всех 6 погребенных потревожены и в большинстве своем отсутствуют. В эту группу могут быть включены могилы 4–6, 8–9, 12, 33–36, 40. Все они демонстрируют следы достаточно небрежного обращения с останками, а в могилах 34 и 35 это даже преднамеренное разламывание костей. Другими словами, мы можем предполагать, что в данных случаях «нарушителям» необходимо было разрушить целостность костяка, большая часть останков удалялась из могилы, остальные оставались без какого-либо четкого порядка. Это относится и к голове. В могиле 6 остались фрагменты черепной коробки, а в могиле 33 – нижние челюсти двух индивидов. В остальных случаях череп был изъят полностью. Только в могилах 8 и 9 можно констатировать какую-то степень внимания к черепу. Так, в могиле 8 он вмещен и перевернут основанием вверх, а в погребении 9 уложен в центре, среди разрозненных костей посткраниального скелета. Все нарушения стен ямы приходятся именно на эту группу. В целом же данные погребения иллюстрируют проникновение второго и третьего типов. Возможно, все эти факты указывают на осквернение. Нужно отметить, что две эти группы погребений почти не отличаются по набору инвентаря (табл. 2).

Этот факт в очередной раз указывает, что далеко не все проникновения в могилы разных культур и территорий совершались в целях ограбления, как традиционно принято считать.

Сравнительный анализ различных особенностей погребального обряда для закрытых и нарушенных комплексов разных групп также не выявил заметных отличий (табл. 3).

Анализ планиграфии могильника с точки зрения действий с останками не дал сколько-нибудь значимых результатов. На данном этапе исследования памятника можно определить только одну закономерность – в каждом ряду есть как потревоженные, так и закрытые комплексы. Исключение представляют пары, которые составили могилы 4 и 5, и погребения 34–35. Данные захоронения разрушены в древности, но можно предположить, что это ряды, которые, по всей видимости, уходят за край раскопа, поэтому нам сложно реконструировать, какую планиграфическую структуру они образовывали. Погребения 19 и 7 также составляют пару, оба комплекса не были потревожены. В могиле 19, судя по всему, были захоронены полностью скелетированные останки. В итоге так или иначе целостность тела была нарушена, перед нами разрозненные кости. Именно поэтому мы не можем утверждать, что эта пара является примером практики, когда в одном ряду хоронили по одинаковому обряду, и выводить общую закономерность, согласно которой возможно предположить существование рядов, которые бы были составлены могилами со схожей постпогребальной практикой.

Итак, основными чертами практики проникновения в могилы являются наличие трех эмпирических типов нарушенных погребений, целенаправленное разрушение верхней части останков, манипуляции с головой или черепом, отсутствие признаков особого отношения к отдельным частям посткраниального скелета, кроме изъятия костей и трех случаев их преднамеренного разламывания. Анализируя обращение с инвентарем и останками, можно выделить группу погребений, проникновение в которые носило ритуальный характер. В некоторых случаях мы фиксируем несколько актов погребального обряда, когда совершалось нарушение, подзахоронение и снова нарушение. Это может свидетельствовать о том,

Таблица 3

Признаки погребальной практики в закрытых и нарушенных комплексах
могильника Телеутский Взвоз I

Признаки	Вид комплексов		
	закрытые	нарушенные	
		первая группа	вторая группа
Трапецевидная яма	0	1	2
Овальная яма	4	1	1
Наклонные стенки	1	3	5
Отвесные стенки	7	8	10
Ступенька на дне	2	2	3
Деревянная рама или обкладка	5	4	6
Деревянное перекрытие	4	2	0
Настил	3	2	4
Береста	2	1	3
Охра	3	1	2
Уголь в заполнении	6	8	6
Прокал в заполнении	2	4	3
Обожжение трупа	1	4	2
Вторичное погребение	4	1	0
Погребенный на левом боку	10	8	4
Погребенный на правом боку	1	0	1
Погребенный на спине	0	2	0

что важен был не факт проникновения, а обращение к конкретному человеку, т. е. к его останкам. В целом же, погребальный обряд елунинской культуры демонстрирует наличие признаков ритуального проникновения и его вариативность. Прделанная работа может стать основанием для выяснения мировоззренческих причин и обстоятельств данного обряда.

Список литературы

Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев: Наукова думка, 1990. 301 с.

Грушин С. П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 50–55.

Демин М. А., Ситников С. М. К вопросу о времени и причинах «ограбления» андро-

новских захоронений (по материалам грунтового могильника Чекановский Лог X) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 68–72.

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамиин А. Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной

Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 62–85.

Флёров В. С. Аланы центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезврежи-

вания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

Материал поступил в редколлегию 02.12.2011

A. V. Bondarenko, S. P. Grushin

**DISTURBED BURIALS OF THE ELUNINSKAYA CULTURE OF THE BRONZE AGE
(BASED ON THE BURIAL GROUND OF TELEUTSKYI VZVOZ I)**

In this article we conducted a formalized analysis of the burials on the burial ground of Teleut Vzvoz I (Altay, Elunino culture, XXI–XIX BC), in which the anatomical integrity of the skeletons was disrupted. We typed the disturbed burial. We classified burials into three empiric types and attributed burials with minor damages to the first type. If after interruption of the burials, the skeletons were, for the most part or as a whole, intact or with small damages. In certain cases some bones could be displaced or absent. The burials with middle damages were attributed to the second type. It is characterized as burials with chaotically dispersed bones. Some bones are absent. The third type is characterized by considerable disruptions of skeletons. The majority of skeletons were removed from the burials, there were only single bones or some fragments of them. We have identified the characteristic features of the rite of interruption: a targeted disruption of the upper half of the remains, manipulation with heads or skulls. We found no signs of special treatment on certain parts of the post-cranial skeleton. In some cases, we observed the removal of bones and also the deliberate damage of bones. In this article we focused on the problem of in differentiation in methodological practice between disrupted and secondary burials as well.

Keywords: the Upper Preob territory, Elunino culture, Early Bronze Age, burial rite, disturbed burial, postinhumation rite.